

На правах рукописи

Нарожный Евгений Иванович

**ВОСТОЧНЫЕ И ЗАПАДНЫЕ ИННОВАЦИИ
ЗОЛОТООРДЫНСКОЙ ЭПОХИ У НАСЕЛЕНИЯ
ВЕРХНЕГО И СРЕДНЕГО ПРИТЕРЕЧЬЯ
(Археолого-историческое исследование)**

Специальность 07.00.06 - Археология

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

*Дорожному Сергею Леонидовичу
от автора с добрым пожеланием
24. апреля 1998 г.*

Воронеж - 1998

Работа выполнена на кафедре истории России
Армавирского государственного педагогического института

Научный руководитель: Доктор исторических наук,
проф. ВИНОГРАДОВ В.Б.

Официальные оппоненты: Доктор исторических наук, профессор
ВИННИКОВ А.З.,
кандидат исторических наук
ВОЛКОВ И.В.

Ведущая организация: Ставропольский Государственный университет.

Защита состоится "20" ~~апреля~~ ^{сентября} 1998 года в 13⁰⁰ часов на заседании диссертационного совета К 063.48.16 в Воронежском государственном университете по адресу: 394693, г. Воронеж, Университетская пл., 1, конференцзал.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Воронежского государственного университета.

Автореферат разослан "12" ~~апреля~~ ^{марта} 1998 года

Ученый секретарь
диссертационного совета

В.И. Бесседин

Целесообразность выбора темы, вынесенной в заглавие работы, определена сразу несколькими факторами. *Актуальность* ее во многом была продиктована тем, что современное понимание проблемы в целом, наиболее концентрировано изложено в существующих "Очерках истории..." и "Историях..." нынешних административно-территориальных образований Притеречья (впрочем, как и в соседствующих с этой территорией республик), давно не отражает всей ныне существующей источниковой базы. Подобное "отставание" не было преодолено и в одном из последних обобщающих трудов – "Истории народов Северного Кавказа. Т. 1" (М.: 1988). Доминирующее внимание специалистов исключительно к примерам "героической борьбы против монголо-татар и Тимура" оставляет в стороне динамику собственно золотоордынской истории региона. Отчего предпринимающиеся характеристики социально-экономического, политического, а также и культурного развития горских обществ нередко трактуются вне соответствия историко-археологическим материалам, имеющимся к сегодняшнему дню. Вызывает сомнения и попытка характеристики всего периода XIII-XV веков только как "катастрофы", больше относящейся лишь ко времени 1238-1239 годов.

Широкомасштабные охранно-спасательные работы археологической лаборатории ЧИГУ им. Л.Н.Толстого (г. Грозный) 1986-1991 годов под руководством проф. В.Б.Виноградова охватили не только степную и равнинную полосы Притеречья, но и территорию горной зоны края и ее предгорий. Накопленный тогда археологический материал существенно расширил и качественно разнообразил источниковую базу. Существенно изменились представления о географии собственно золотоордынских поселений и городищ, о погребальных памятниках кочевого и оседлого населения Золотой Орды. Открылась перспектива и совершенно иного восприятия материальной культуры населения горной зоны края. Раскопки в горах дали возможность и иного отношения к "традиционной" материальной культуре горцев, до этого базировавшегося на ограниченных материалах, полученных в 1950-1970-е годы (Е.И.Крупнов, В.И.Марковин, В.Б.Виноградов, С.Ц.Умаров, М.Б.Мужухоев, В.Х.Тменов и другие). Прежде всего это произошло за счет огромного количества вещевых заимствований, не позволяющих их объяснять (как это было раньше) лишь "трофейным" характером происхождения. При этом вещевые заимствования, условно относимые нами к ремесленным изделиям Востока и Запада, распространялись сначала в Золотой Орде, откуда они попали и на территорию Притеречья. Часть других инноваций распространялась через соседнюю Грузию, до XIV века находившуюся в зависимости от южной ветви Чингизидов – государства Ильханов. Контекст контактов и взаимоотношений указанных территорий и Притеречья во многом требует специального изучения, что отчасти рассматривается в настоящей работе.

Определение географических границ работы продиктовано все той же археологической базой материалов. Под Верхним и Средним Притеречьем подразумевается в основном территория современных Северной Осетии, Ингушетии и Чечни. Однако автор вынужден был привлечь материалы и с

территории прилегающих Кабардино-Балкарии (городище Нижний Джулат) и Дагестана (Герско-Сулакское междуречье). Данные отсюда пространственно отстоят от интересующей и исследуемой территории, но исторически они составляют единое целое с нашими материалами. Учет археологических материалов с золотоордынского города Маджара (Ставрополье) создает своеобразный фон, на котором информативными становятся и артефакты с территории Притеречья.

Хронологические рамки исследования определены с 1222 года, т.е. времени первого появления Чингизидов в Притеречье и вплоть до середины XV века, ознаменовавшейся началом активного освоения предгорных равнин и плоскости выходами из горной зоны края.

Цели и задачи работы определяются следующим образом:

– опираясь на имеющуюся источниковую базу и весь предшествующий историографический опыт, составить исчерпывающую сводку бытовых памятников Золотой Орды на территории Притеречья (и ее картографирование). Одновременно "вычленив" из имеющегося списка "городов" и "нумизматических центров" те, которые в Притеречье локализованы на основе письменных и нумизматических данных, но без должного их критического анализа. Эта цель делает реальной и задачу калькирования на карту объектов данных с итальянских карт XIV-XV веков. Это позволит решить проблему идентификации "городов" этих карт с конкретными археологическими памятниками региона.

– Уточнений требует архитектура "Большой" мечети Верхнего Джулата, церкви № 1 того же памятника, а также и остатки домостроительной архитектуры Притеречья. Главной задачей здесь является попытка расширения представлений о внешнем облике притерских поселений и городищ в XIII-XV веках и определение особенностей архитектуры Притеречья и ее отличий от архитектуры памятников Золотой Орды.

– Составление исчерпывающей сводки погребальных памятников XIII-XV веков Притеречья открывает перспективу этнической атрибуции известных погребальных комплексов, вычленение "волн" кочевнических перемещений на Терек. Видится возможным осмысление динамики оформления этнокарты региона и демографических ситуаций, обусловивших особенности этнокарты Притеречья постзолотоордынской эпохи.

– Достаточно актуально изучение "отдельных составляющих" материальную культуру золотоордынской плоскости и населения горной зоны края (керамика, предметы вооружения, нумизматический материал, предметы мелкой христианской пластики, орудия труда и инструментарий, украшения и пр.). Посредством чего может быть реализована и задача выявления "дальних" и "ближних" импортов, распространявшихся как на плоскости, так и в горах. Реальна и задача определения степени культуровоздействующих влияний Золотой Орды и соседней Грузии, обусловивших не только внешние заимствования горцев, но и целый ряд процессов, вызванных к жизни ситуациями XIII-XV веков.

– Самостоятельной целью является и анализ контекста обстановки в Притеречье на основе письменных свидетельств, посредством которых дос-

тигается и задача характеристики хода, последовательности и интенсивности инновационных воздействий на горцев и горские общества, в существенной мере оказавшихся вынужденными приспособляться и реагировать на быстро меняющуюся конъюнктуру событий и процессов XIII-XV веков.

Основное защищаемое положение: оно определяется попыткой рассмотрения анализируемого материала (вопреки сложившейся традиции) не с позиций автохтонизма, а под углом зрения широких (азиатских и европейских) внешних заимствований, попадавших и распространявшихся на исследуемой территории (горы и плоскость) в результате интеграционных процессов, сопровождавших историю Золотой Орды. Вместе с тем - это и определение степени культуровоздействующих (если не культуроформирующих) последствий известных инноваций XIII-XV веков.

Подобный подход существенно определяется методическими принципами генеральных научно-исследовательских направлений школы акад. В.Б.Виноградова, концентрирующей внимание на анализе процессов, протекавших в различных регионах и у разных народов во взаимодетерминирующей связи.

Новизна исследования объясняется прежде всего тем, что к настоящему времени выбранная тематика никем специально не исследовалась. Не получила она должного системного и комплексного освещения и в существующих публикациях по истории XIII-XV веков. В этом смысле обозначенные цели и задачи исследования, вместе с используемой источниковой базой, анализируются впервые.

Источниковой базой диссертации явились археологические материалы из дореволюционных раскопок, сборов и приобретений Кавказского (в г. Тифлисе) музея (П.С.Уварова, В.Б.Пфаф, В.Б.Антонович, А.Фиркович, В.Долбежев и др.). Делается опора и на публикации материалов из раскопок СКАЭ под руководством Е.И.Крупнова и ее полевые отчеты (Е.И.Крупнов, О.В.Милорадович). Учитываются и используются материалы раскопок на плоскости и в горах, происходивших в 1960-е-1980-х годах (Е.И.Крупнов, В.И.Марковин, В.Б.Виноградов, С.Ц.Умаров, М.Б.Мужухоев, Р.А.Даутова, Х.М.Мамаев, Д.Ю.Чахкиев и др.). Авторские раскопки в горах и на плоскости Притеречья используются преобладающе.

Учитываются в работе материалы раскопок позднокочевнических захоронений на Терек, исследовавшихся В.Б.Антоновичем, Б.Б.Пиотровским, Г.А.Федоровым-Давыдовым, В.Б.Виноградовым, А.О.Наглером, Б.М.Хашегульговым, Е.И.Нарожным, Е.В.Ростуновым. Прорабатывались также сведения о мусульманских и христианских захоронениях на Верхнем и Нижнем Джулатах (Ф.С.Гребенец-Панкратов, Е.И.Крупнов, О.В.Милорадович, И.М.Чеченов), часть из которых подвергалась изучению антропологами (В.П.Алексеев, К.Х.Беслекоева). Учтены материалы из археологических коллекций, хранящихся в северокавказских краеведческих музеях, а также и из школьных музеев ст. Старогладовской, ст. Гребенской и с. Майртуп.

Археологические материалы дополняются данными итальянских карт XIV-XV веков. Заметную помощь оказывают письменные источники: русские летописи, восточные (арабские, персидские, китайские, монгольские) хроники, свидетельства западноевропейского происхождения (П.Карпини, Г.Рубрук, Юлиан, М.Поло, И.Шильтбергер, И.Барбаро, "брат Журден", Мариньоли, отрывки из писем папы Иоанна XXII и др.). Особый интерес представляют сочинения, оставленные кавказскими (грузинскими и армянскими) авторами. Эпизодически используются и данные дагестанской хроники "Дербент-Наме". Наряду с последними учитываются данные ономастики и топонимии.

Практическая значимость. Часть материалов может быть использована при разработке обобщающих трудов по истории Северного Кавказа. Отдельные ее положения могут найти применение в трудах, обобщающих историю Золотой Орды. Можно надеяться на использование некоторых частей работы при разработке различного рода тематических исследований регионального, краеведческого характера, а также в лекторской и музейной практике. Видится возможным использование положений работы при разработке спецкурсов в вузовской работе (часть материалов уже использовалась в разработке и при чтении спецкурса по истории сельского населения и крестьянства Северного Кавказа (С.Л.Дударев, С.Н.Савенко)).

Апробация основных положений диссертации предпринималась неоднократно. Автор выступал с докладами и сообщениями на конференциях различных уровней, начиная от студенческих и студенческо-аспирантских, до региональных, всесоюзных и одной международной (гг. Грозный, Орджоникидзе-Владикавказ, Махачкала, Ставрополь, Армавир, Краснодар, Ростов-на-Дону, Тбилиси, Кисловодск, Москва, Ташкент, Новосибирск и др.). По теме диссертационной работы опубликовано свыше 70 тезисов докладов, статей и сообщений, посвященных анализу разнотипных средневековых комплексов на исследуемой территории XIII-XV веков и в последующее время.

Совместно с к.и.н. И.М.Мизиевым был подготовлен соответствующий раздел готовящейся к изданию "Истории сельского населения и крестьянства Северного Кавказа. Т. 1. С древнейших времен до XV века". Отдельные положения авторских подходов получили и частичный (в том числе и полемического характера) резонанс в нескольких десятках работ специалистов-кавказоведов и исследователей археологии и истории Золотой Орды.

Структура диссертации. Представленная работа состоит из введения, 4-х глав, заключения, 14-ти текстовых приложений, библиографии и 78 таблиц с иллюстрациями и картами-схемами.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** формулируются предмет, задачи и цели, характеризуются географические границы исследования и его хронологические рамки.

Часть "Введения" составляет раздел, посвященный обзору письменных источников, картографического материала, данных общеполитического характера, а также - история изучения проблемы и ее этапы. Нами предприни-

мается попытка удревнения времени начала изучения исследуемой территории. Она связана с деятельностью астраханского губернатора В.Н.Татищева, в 40-е годы XVIII века снарядившего экспедицию не только на Маджары (Н.Г.Волкова, В.Л.Егоров, А.И.Юхт), которая, описав и обследовав "Тартуб"-Верхний Джулат в Северной Осетии, достигла современного балкарского селения Уллу-Эльт ("Юлат") в Чегемском ущелье.

Последующий вклад исследователей XVIII века оценивается достаточно скромно: И.Гюльденштедт, поручик Бирюбилесев, Я.Рейншгес, Я.Потоцкий описывают руины Тартупа-Верхнего Джулата. Параллельно осматривается мавзолей нач. XV века (Борга-Каш) на Сунже. Я.Рейншгес и Ю.Клапрот сопоставляют Тартуп с "городом Шехри-Татар" из "Дербент-Наме". М.М.Щербатовым делается попытка идентификации "града Делякова" русских летописей с конкретным объектом, что послужило началом дискуссии, продолжающейся и по сей день.

Исследовательский вклад XIX века более разнообразен и достаточно представлен. Х.М.Френ опубликовал монету "Джюллала", одновременно предложив соответствующую локализацию "города" на Верхнем Терек. И.Бларамберг пытается разделить сведения о двух притерских городищах (Верхнем и Нижнем Джулатах). С.Броневский, А.Берже публикуют историко-этнографические данные, касающиеся XIII-XV веков. Появляются и труды первых северокавказских просветителей (Ч.Ахриев, У.Лаудасв), публикующих чеченские и ингушские предания, освещающие события золотоордынской эпохи. Другие ученые и исследователи вводят в оборот историко-фольклорные сведения о Тартупе (Н.Бутков, Н.Барсов, С.Белокуров, Н.Семенов). В XIX веке начинается и археологическое изучение региона - В.И.Долбежев, В.Б.Пфаф, А.А.Бобринский, В.Б.Антонович, П.С.Уварова и др.

Особо выделяется вклад исследователей XX в., фактически определивших интерес к проблеме в целом. Ф.С.Гребенев-Панкратов начинает археологическое изучение на Верхне-Джулатском городище. Л.П.Семенов и И.Щеблыкин издают планы и разрезы Борга-Каш. В 1930-е годы Б.Б.Пиотровским была раскопана группа позднеочевнических курганов у ст. Моздок, впоследствии изучавшаяся Г.А.Федоровым-Давыдовым и В.П.Алексеевым. После Великой Отечественной войны Т.М.Минасовой выявлены первые золотоордынские поселения. Появились и версии, объяснявшие ситуацию XIII-XV веков в Притеречье (Л.И.Лавров). В 1950-60-х годах на Верхнем Джулате начала свою деятельность СКАЭ под руководством Е.И.Крупнова, впоследствии, отдельными отрядами продолжившая раскопки и разведки по Тереку (В.А.Кузнецов, О.В.Милорадович), на Сунже (В.Б.Виноградов), а также и в горах (В.И.Марковин, В.Б.Виноградов). На базе экспедиции "вырастают" и молодые специалисты С.Ц.Умаров и М.Б.Мужухоев, защитившие диссертации, посвященные материальной культуре горной Чечни и Ингушетии.

В последующее время интерес к золотоордынской тематике существенно расширился посредством специальных публикаций В.А.Кузнецова, обосновавшего версию об исторических судьбах северокавказских аланов, подверг-

вшихся в 1238-1239 гг. "катастрофе". Вплоть до 1986 года в кавказоведении интерес к проблеме поддерживается выходом в свет отдельных статей и эпизодическими раскопками в горах. Работы археологической лаборатории ЧИГУ им. Л.Н.Толстого (1986-1991 годы) привели к мощному процессу накопления археологических материалов на фоне появившихся диссертационных исследований М.К.Джиоева, Х.А.Хизриева и др. авторов, однозначно диктовавших необходимость специального изучения истории XIII-XV веков.

Особо отмечается деятельность научной школы Г.А.Федорова-Давыдова и его учеников. То же относится и к исследованиям иных специалистов: М.Д.Полубояришовой, М.Г.Крамаровского, С.П.Кариова, А.Г.Еманова, М.В.Горелика и др. Однако исследования указанных авторов не всегда учитывались кавказоведами в должной мере.

Именно в таком контексте весь имеющийся историографический опыт наглядно демонстрировал потребность в разработке проблемы, ставшей темой настоящего диссертационного исследования.

Первая глава работы посвящена проблеме изучения поселений, и городищ, и "нумизматических центров". Необходимость ее продиктована наличием в литературе разных точек зрения, локализовавших на Терексе более полутора бытовых объектов XIII-XV веков. Среди которых были "центры", якобы чеканившие свои собственные монеты, в том числе от имени Ильханов (Ц.М.Гваберидзе). Наиболее достоверной является группа памятников, засвидетельствованная археологически. Из числа "городов", локализованных здесь на основе письменных источников, были оставлены лишь "город" и "область Джулат", г. Магас, "Деяков". В непосредственной близости от Терека следует размещать и "страну Симсим" Шами и Йезди, а также и "провинцию Элохи" И.Барбаро. В числе "нумизматических центров" достоверной видится лишь версия Х.М.Френа о "Джолладе". Иные локализации (Х.М.Френ, Х.А.Хизриев, Ц.М.Гваберидзе) к Притеречью не имеют отношения.

Археологические памятники XIII-XV веков "вытягиваются" двумя линиями: от Дербента к северу до правого берега Терека, переходя затем на его левобережье к дельте, где она "отворачивает" к р.Куме. Вторая линия простирается вдоль р.Сунжи - от Алхан-Калы до Верхнего и Нижнего Джулатов. Третья группа памятников, почти по кругу концентрируется вокруг Верхнего Джулата. Отмеченная топографическая протяженность сопоставима с известной у Чингизидов ("монголов") спецификой освоения пространства и новых территорий (Н.Л.Жуковская). Расселение в регионе после событий 1238-1239 годов кочевого населения и начало освоения ими Притеречья происходило по традиционным стандартам, использовавшимся еще в Центральной Азии.

Во 2-м параграфе главы предпринимается попытка рассмотрения особенностей домостроительства на Терексе. Лапидарность публикаций применительно к поселениям на Сунже (Т.М.Минаева) и в отношении Верхнего Джулата (О.В.Милорадович) продиктовали необходимость опоры на материалы с территории Нижнего Джулата (И.М.Чеченов). Но и они потребовали уточнений. "Многокомнатное" сооружение (И.М.Чеченов) определяется типичным для Золотой Орды типом жилья, имевшего во внутреннем интерьере

кан и суфу. Уточнение позволяет более реально воспринимать и аналогичные заимствования, отмеченные в горной зоне Центрального Кавказа (В.М.Батчаев).

Другие жилища Притеречья, вероятно, имели сырцовый фундамент и стены с использованием дерева. Отмечены и остатки развалов от турлучных стропил, датированных ранее "домонгольским" временем, хотя по стратиграфии памятника они соотносятся с золотоордынскими слоями Нижнего Джулата. Они, вероятно, свидетельствуют о продолжении домостроительных традиций раннего средневековья.

"Юрта" того же городища характеризуется в работе не как собственно переносной тип жилья (Н.Л.Жуковская, В.Л.Егоров), а как "юртообразная" постройка, имевшая черты стационарного жилья с использованием столбовых конструкций и глинобитных стен. Предлагается и ее увязка не с привнесениями из Центральной Азии (В.Л.Егоров), а с характерными для региона и известным по описаниям еще хазарского Семендера (Х.Х.Биджиев) типом стационарного жилья. Промежуточным этапом (между салтово-маяцкими и хазарскими с одной стороны и золотоордынскими с другой) мы считаем остатки подобной конструкции "XIII века" на Алхан-Калинском городище (В.Б.Виноградов) - "г. Магас".

Параллельно рассматриваются и архитектурные объекты: "Большая Верхне-Джулатская мечеть" и церковь № 1 того же городища, известные еще с XVIII столетия, но в отношении к которым до сих пор нет единообразных подходов (И.Гюльденштедт, Е.И.Крупинов, В.А.Кузнецов, О.В.Милорадович, В.Л.Егоров, В.Б.Виноградов, С.А.Голованова, З.Зиливкинская и др.)

По версии историка архитектуры из Баку Ф.Г.Мамедова мечеть имеет азербайджанские истоки архитектуры, построена, как считается, угнанными отсюда пленными строителями (В.А.Кузнецов). Тем не менее специалистами не учитываются остатки фундаментов между внешней стенкой мечети и минаретом, равно как и заметные на минарете следы нарушенной кладки со стороны мечети. Вместе с учетом других данных указывается на наличие у объекта (ныне не сохранившегося) портала, вынесенного вперед. Вполне реально видится и предположение о существовании у мечети не плоской кровли (Г.А.Федоров-Давыдов, Ф.Г.Мамедов), а купольного покрытия, что и определило свособразие минарета: излишнюю вытянутость его пропорций, неоднократно отмечавшуюся специалистами. Все вместе: минарет, некогда существовавший портал и мечеть, позволяет расценивать строение как единый архитектурный ансамбль, не позволяющий соглашаться с мнением об исключительно азербайджанских архитектурных истоках культового сооружения, хотя отмеченная проблема по-прежнему продолжает быть открытой.

Верхне-Джулатская церковь № 1, опубликованная Е.И.Крупиновым, в конце концов была им датирована XII веком. Отысканная по описаниям XVIII века (И.Гюльденштедт), эта постройка представляет собой сложное сооружение, отдельные части которой были определены как фундамент церкви, ее "ограда" и "придел". Последующие попытки атрибуции строения вызывают споры. Более или менее правдоподобным видится мнение о первом строительном горизонте, который соотносится с концом раннего средневековья.

вья и возведенном при непосредственном воздействии христианской Грузии (В.Б.Виноградов, С.А.Голованова). "Католическая" атрибуция церкви на основе наличия у нее подалтарной крипты (В.А.Кузнецов) сомнительна.

Соотнося описание размеров церкви (И.Гольденштедта) с обмерами Е.И.Крупнова (учитывая соотношение мер длины XVIII и XX веков), открывается возможность проверки существующих версий. Оказалось, Гольденштедт видел и описал остатки одноапсидного строения, находящегося в центре всего комплекса, раскопанного О.В.Милорадович и Е.И.Крупновым. Ни "ограда", ни "придела" Гольденштедт не видел.

Предпринятые уточнения демонстрируют следующее. Верхне-Джулатская церковь № 1 имеет несколько строительных горизонтов, (В.А.Кузнецов). 1. В виде небольшой одноапсидной церкви, как это описывают В.Б.Виноградов и С.А.Голованова. После ее разрушения (1277-78 гг. - ?) возводится "ограда" (2-й горизонт), возможно, также являвшейся фундаментом церковной постройки значительных размеров (апсидная ее часть уничтожена крутым склоном и существовавшим с этой стороны оврагом). 3. После разрушения "ограды" возводится церковь на фундаменте 1-го горизонта, но с сооружением подалтарной крипты. 4. После уничтожения церкви с криптой (заманчиво следы разрушений и сброшенных внутрь крипты людей сопоставлять с событиями 1396 года) на новом месте, частично "перекрывающая" фундамент церкви 1-го и 3-го горизонтов и "ограду", возводится "придел" - церковь, находящая аналогии среди "малых" церквей горной зоны края XIII-XV веков (В.А.Кузнецов). Нельзя исключать, что "придел" сопоставим и с часовней, возникшей для обслуживания христианского могильника. 5-й, последний горизонт снова "базируется" на самом раннем фундаменте церкви 1-го горизонта. Эта церковь просуществовала вплоть до посещения городища И.Гольденштедтом.

При всех аргументах и определенной заманчивости предложенной последовательности существования церкви № 1 Верхнего Джулата, хронологию этапов строительства и разрушений из-за отсутствия надежных критериев установить не удалось, хотя период наиболее активного функционирования церкви и ее разрушений приходится на XIV-XV века.

Вторая глава диссертации посвящена анализу погребальных памятников исследуемой территории. Состоит из 2-х параграфов.

1-й параграф содержит сведения и типологическую классификацию погребальных комплексов. Для удобства работы с которыми подразделяются на условные группы: 1. Памятники кочевого населения; 2. Памятники "оседлого" населения. Внутри они разделяются по конфессиональной принадлежности: 1.1. - "языческого"; 1.2. - "мусульманского" периодов. Также и во второй группе: 2.1. - "мусульманские"; 2.2. - "христианские" погребения.

Позднекочевнические захоронения подвергаются этническому определению. Это "монголы" (захоронения с северной ориентировкой). А также иные - центральноазиатские, сибирские или алтайские племена, имевшие также северную (или ее вариации) ориентировку и дополнительную конструкцию в яме - решетчатую раму. Последняя обычно сопоставляется с "половецкими" критериями (С.А.Плетнева). Но эта конструкция достаточно хоро-

шо известна в "монгольских" и иных захоронениях XIII-XIV веков в Забайкалье и близ Каракорума. Одно погребение "монгола" содержит выразительный инвентарь: пластины доспеха, шлем и остатки колчана (Д.Ю.Чахкиев).

Другая группа "языческих" захоронений (с восточной и западной ориентировками) определяется как половецкие "XIII-XIV" и XIV века. Ряд признаков (Г.А.Федоров-Давыдов) позволяет видеть в них часть населения, перемещенного сюда с территории Северо-Западного Кавказа.

Наличие в регионе целого ряда находок "черноклобушского" типа или их северокавказских вариантов позволяет считать, что в регионе совершали перекочевки и "черные клобуки" и не только по р. Куме (Г.А.Федоров-Давыдов), но и вплоть до подошвы Главного Кавказского хребта.

Отдельные кочевнические захоронения ("мусульманского" периода - В.Б.Антонович, А.Фиркович и Е.И.Крупнов), находят аналогии среди соответствующих древностей XIV-XV веков в Заволжье и Приуралье. Предполагается о существовании (во времена Пулада или Шадибека - ?) активных перекочевок из-за Волги на Терек, обусловленных конкретными политическими условиями в Золотой Орде.

Ныне есть основания полагать: в Притеречье находились и иные группы кочевников. Появление в районе Дербента, а затем и в Придариалье 30-тысячного корпуса темника Ногай сопровождалось перемещением кочевых групп из Пруто-Поднестровья. В их среду были включены и северокавказские "борганы", известные здесь еще с раннего средневековья, впоследствии, увезенные Ногаем в свой личный домен в Пруто-Поднестровье, где появляется топоним: "Бэрэганская степь", фиксируемый картами XIV-XV веков и письменными свидетельствами.

Памятники "оседлого" населения представлены погребениями на христианском могильнике у церкви № 1 Верхнего Джулата и его окрестностей (Ф.С.Гребенец-Панкратов). Отмечены в грунтовых ямах и каменных ящиках. Другая часть раскопана на территории Верхне-Джулатской мечети и вокруг нее. Большая их часть подвергалась определению антропологами. Представляется возможным утверждать: во-первых, мусульманская часть населения обоих Джулатов являла собой социальную элиту, включавшую в себя и представителей (потомков) "домонгольского" населения региона, получившего не только определенный социальный статус, но и особенности физического типа (приобретенную монголоидность). В сравнении с погребальными памятниками золотоордынского Поволжья основная масса притерских погребений сопоставляется с захоронениями "средних слоев" городов Поволжья (Л.Т.«Яблонский»).

Христианский могильник Верхнего Джулата у церкви № 1 и каменные ящики того же памятника сопоставимы со временем начала выхода горцев на плоскость, вероятно, имевшего несколько "волн".

2-й параграф этой главы посвящен суммарной оценке имеющихся разнovidностей погребальных комплексов горной зоны края. К достаточно хорошо разработанной видо-типологической характеристике погребальных сооружений горной зоны (Л.П.Семенов, Е.И.Крупнов, С.Ц.Умаров, М.Б.Мужухоев, Н.Н.Бараниченко, Х.М. Мамаев), добавлены: "грунтовые

захоронения". А в число вариантов каменных ящиков включаем ящики, сохранившие более одного погребенного (предыдущие скелеты смещались в сторону вместе с инвентарем, представляя собой нагромождения из костных останков). Этот вариант ныне известен в Грузии: могильник Накалакари, оставленный жителями средневекового г. Жинвали (В.А.Джорбенадзе). Любопытно, что этот город был определен для постоянного жительства северокавказским аланам, переселившимся в Грузию, самим Хулагу-ханом (60-е годы XIII века).

Обращается внимание и на появление на территории каменоящичных некрополей "семейных участков", а среди полуподземных склепов с явно коллективным (до 300-г погребенных Ф.Х.Гутинов) характером погребений, склепов, содержавших от 2-х до 10-ти захоронений (Е.И.Нарожный, Д.Ю.Чахкиев). Это существенно меняет восприятие картин внутренних процессов, проходивших в горах в XIII-XV веках.

Подчеркивается в параграфе и изменение характера расположения могильников, заметно удаленных вглубь горных ущелий и отделенных от плоскости сложной системой естественного ландшафта. Происходит это наряду с резким ростом площадей самих некрополей. Соседство с золотоордынской плоскостью, вероятно, потребовало организации мер предосторожности для защиты "могил предков". Одновременно в отмеченных изменениях получили отражение и демографические процессы, происходившие глубоко в горах.

Третья глава диссертации озаглавлена "Предметы "дальнего" и "ближнего" импортов в горах и на плоскости". Необходимость именно такой постановки вопроса определяется стремлением экспозиционного представления лишь тех категорий вещевых наборов (плоскость и в горы), которые не являются сугубо "местными и традиционными" для населения гор.

Глава состоит из 6-ти параграфов, которым соответствуют приложения № 4-14.

Параграф 1-й посвящен анализу находок керамики как в горной зоне, так и на плоскости. Они подразделяются на несколько групп, наиболее массовыми из которых являются изделия поливной и неполивной керамики. Эти группы, в свою очередь, делимы на подгруппы, типы, виды, классы и более мелкие подразделы.

Полвиная (кашечная и красноглиняная) керамика и изделия, за редким исключением, анализируются впервые. На плоскости поливная керамика отражена практически всеми известными в Золотой Орде типами и видами и, вероятно, имела привозной (из различных городов Золотой Орды) характер. Особенно многочисленные аналогии им отмечаются в золотоордынском Поволжье, Маджарах, Азаке и Херсонесе. Изредка - в Белгороде-на-Днестре. Особняком стоит группа находок поливной посуды красной глины, находящих аналогии в Северо-Восточном Азербайджане (Т.Достиев).

Красноглиняная поливная и неполивная посуда Притеречья также типична для находок, известных на территории всей Золотой Орды.

Нами выделяются находки тарной керамики. Вслед за И.В.Волковым, часть Притерских амфор сопоставляется с амфорами из Трапезунда, Средиземноморья и Палестины.

Несколько пифосов Притеречья дают основания для их сопоставлений с изделиями мастеров-керамистов, опирающихся на салтово-маяцкие традиции.

В горной зоне края находки поливной керамики немногочисленны и находят аналогии в Мцхете, Жинвали, Душети и Тбилиси XIII-XIV вв.

Неполивная керамика горной зоны края во многом отражает ремесленные традиции, бытовавшие на раннесредневековых поселениях и городищах плоскости ("аланоидные" формы и приемы декора). Любопытно, что керамические изделия с памятников ущелья р. Арм-хи по технологической системе весьма близки керамике Верхнего Джулата XIII-XV веков. Керамика ущелья р. Ассы больше сопоставима с массовым производством, представленном на золотоордынских поселениях вдоль р. Сунжи.

Самостоятельную группу составляют лепные кружки с боковым сливом (типа кружки из Тхаба-Ерды), вероятно, местного производства. Другие кружки тонкого и ровного прокала из белой (с розоватым оттенком) глины имеют раскраску по тулову органическими красителями. Аналогии им известны с территории соседней Грузии.

Обзор находок керамики и керамических изделий демонстрирует достаточно широкое разнообразие типов и видов подобных изделий на территории Притеречья, часть которых попадала в горы. Все вместе взятое подтверждает наблюдение Е.И.Крупнова о бытовании в горах (XIII-XV вв.) видов и типов керамики, дублирующих образцы золотоордынские, плоскостные.

Параграф 2-й посвящен нумизматическим материалам. Все монеты отмечены как на плоскости, так и в горах. Существующие сводки монетных находок (В.Б.Виноградов), мы дополняем за счет выявления сведений о монетах в Северной Осетии и за счет новых образцов. Некоторые нумизматические материалы взвешивались, что позволило определить часть анэпиграфических монет. Другие, по сохранившимся изображениям на них имеют аналогии среди сборов в Азаке (Н.М.Фомичев) и Болгаре (С.А.Янина). Часть монет была определена Г.А.Федоровым-Давыдовым.

Монетные находки делятся на несколько групп: 1. Грузинские чекана Русудан в 1227 году; 2. Монеты "раннеордынского" чекана: медный пул Менгу-каана, битый в Тифлисе; 3. Грузино-хулагуидские монеты (Аргун и Казан); 4. Хулагуидские дирхемы Тебриза от имени Аргуна, Улджейту, Абу-Саида; 5. Золотоордынские (пулы и дирхемы) Токты, Узбек-хана, Джанибека, Хызра, Бирдибека, Кильдибека, Мухаммед-Булака, Токтамышша, Пулада и Шадибека, чеканившихся в Маджарах, Орде, Гюлистане, Азаке и обоих Сараях; 6. "Западноевропейские" монеты (вводятся в оборот впервые) единичны. Это монеты Лаврентия Феупуло, Иоанна П, Андронника П и Михаила IX, Михаила Шишмана и его сына Иоанна Стефана, Алексея IУ Комнина, Вацлава IУ; 7. Единственная "русская" монета из Верхнего Какадо (В.И.Марковин, В.Б.Виноградов); 8. Последняя группа представлена двумя биллоновыми подражаниями куфическим монетам, имевших в центре надчеканку в виде тамги "Дома Бату" (ᠨᠢ).

Причины подобного разнообразия монетных находок скорее всего связаны с особенностями географии и интенсивности торговли на плоскости,

оттуда часть монет распространялась в горах, где их основная масса использовалась не по прямому назначению (пробивались и составляли мошеты или привесные украшения - Р.А.Даутова). "Западноевропейские" монеты, имевшие силуэты людей с нимбами, кресты и прочую христианскую символику и могли использоваться в качестве предметов культа.

3-й параграф главы посвящен анализу предметов мелкой христианской пластики. Дискуссионный характер историко-культурной атрибуции которых (трактовка как "византийских" или как "русских", по также дозолотоордынского времени) заставила учесть всю известную коллекцию интересных предметов от Черного до Каспийского моря (всего - более 80-ти местонахождений). Учитывая переатрибуцию части "византийских" крестов в число "русских" (С.А.Голованова), приводим аналогии из русских земель и другим "византийским" (В.А.Кузнецов) крестам. Последующая их дифференциация позволяет выделять группы ("энколпионы", "большие кресты", "змеевики" и т.д.). С учетом аналогий, подобранных предшественниками, выделяются несколько их групп, указывающих на географию "исхода" носителей этих предметов, вместе с которыми изделия христианской пластики попали на Терек. Это выходцы из Московской и Новгородской земель, Тверского княжества и Южной Руси. Каждая группа находит письменные подтверждения, отчасти объясняющие условия перемещения сюда русичей из различных земель Руси. Здесь же указывается и на расширение географии находок, в том числе и в закрытых комплексах. Ныне они отмечаются как на золотоордынской территории, так и в предгорьях ("буферная зона"), и глубоко в горах. Есть и кресты, явно выполненные в регионе по оттиску с находок более раннего времени. Акцентируется внимание и на том, что приток славян не носил единовременного характера, на что указывают находки, датируемые "XII-XIII", "XIII", "XIII-XIV" и "XIV-XV" веками. В связи с предметами особый интерес вызывает пласт фольклорного материала Ичкерии (А.Берже), повествующий о проживании "русских, прежде живших по Тереку с монголами," в среде средневековых предков чеченцев и ингушей. Предпринятые уточнения позволяют расширить представления о характере и степени интенсивности расселения русичей на территории Притеречья в XIII-XIV веках и составить представление о судьбах их потомков.

4-й параграф работы касается предметов вооружения и конского снаряжения. Это шлемы, представленные различными видами и вариантами. Значительная их часть имеет и детали (на основе изучения изображений тебризских миниатюр), считающиеся признаками "монгольских" (М.В.Горелик). Наши материалы могут являться археологическим подтверждением отмеченных наблюдений. Некоторые шлемы находят аналогии в раннем средневековье у аланов (Рим-Гора - А.П.Рунич). "Шлем" из Ярши-Марды, атрибутированный как "русский" (Х.М.Мамаев и Д.Ю.Чахкиев), расценивается в работе лишь как верхняя часть боевого наголовья (высота - 13 см), сопоставимого со шлемом из Белой Калитвы, в свою очередь соотносящегося с западноевропейским генезисом (шлем из Артиллерийского музея в Париже).

Наручи ("базубанды") с территории Притеречья - самая представительная коллекция с Северного Кавказа, заставляющая соглашаться с

М.В.Гореликом (вопреки А.Н.Кирпичникову) в их "центральноазиатском" ("монгольском" для Восточной Европы) происхождении.

Достаточно выразительна и коллекция наконечников от булав, шестоперов из горной зоны. Часть образцов этого вида ударного оружия находит полные аналогии среди росписей киданьских мавзолеев Китая (М.В.Горелик). Распространение их через Золотую Орду ныне документируют находки многогранных наконечников, известных в столицах Золотой Орды (Г.А.Федоров-Давыдов, Л.Л.Галкин) и в позднекочевническом захоронении на Дону (А.И.Гармашов), а также - в Каракоруме (Ю.С.Худяков).

Деревянные луки, представленные еще тремя новыми находками, сложносоставные, по типу золотоордынских (Р.А.Даутова, Х.М.Мамаев, Д.Ю.Чахкиев). Вместе с конструкцией в горах распространились ("монгольский способ стрельбы" - Д.Ю.Чахкиев) и предохранительные кольца, достаточно известные в Золотой Орде (И.В.Волков).

Колчаны: из бересты и в виде деревянных рамок, обтянутых кожей с аппликациями. Известны (в горах и на плоскости) и колчаные костяные обкладки, декорированные сложным растительным и геометрическим орнаментом, находящим аналогии в Золотой Орде (Н.В.Малиновская). Рассматриваемые в работе колчаные крюки в абсолютном большинстве повторяющие типы, имеющиеся в позднекочевнических древностях Восточной Европы (В.А.Иванов) XII-XIV вв.

Защитный доспех воинов представлен четырьмя кольчужными рубашками, из горной зоны две из них почти идентичны покрою доспеха из позднекочевнического захоронения у сел. Ковали (Г.А.Федоров-Давыдов). Пластинчатый доспех имеет пластины, характерные для "монгольского" доспеха (Д.Ю.Чахкиев, М.В.Горелик). Части другого (горная зона), как и система их креплений, весьма близки конструкции защитного доспеха из Азака-Таны, атрибутируемого как "итальянский" (М.В.Горелик, Н.М.Фомичев).

В работе предпринимается реконструкция щита. Воспроизводимая на основе его деталей, она свидетельствует о тождественности щита изображениям на миниатюрах 1333 года к рукописи "Шах-Наме", демонстрируется и тот факт, что подобный тип щитов распространяется в горах уже в XIV веке, эволюционно развиваясь здесь вплоть до XIX столетия.

Достаточно представительна коллекция колюще-рубящего вооружения (70 сабель, 2 палаша и 2 меча) XIII-XV веков. Часть сабель (без перекрестия) близка типу этой разновидности вооружения, известных нам как по кочевническим древностям, так и аланским захоронениям "домонгольской" поры (всего 8%). Другие - с перекрестием, имевшим утолщения на концах, идентичны саблям со Змейского катакомбного могильника и в Мартан-Чу (В.А.Кузнецов, В.Б.Виноградов, Х.М.Мамаев). Они составляют около 25% всей коллекции. Вероятно на их основе складывается тип сабель с близким перекрестием, сильно опущенным вниз и на клинке имеющих ребра жесткости (51%). На лезвиях сабель этого типа имеются крепления от ножен, повторяющие таковые в раннесредневековых памятниках Северного Кавказа.

Самостоятельную группу составляют сабли с перекрестием, идентичным оформлению такового на сабле, найденной на Куликовом поле (11%).

Весь имеющийся комплекс вооружения свидетельствует о происхождении его от некоторых типов оружия, характерные для региона еще с эпохи раннего средневековья. Что заставляет считать возможным существование сохранных традиций и в золотоордынское время (на плоскости). То же усиливает и сообщение Г. Рубрука, описавшего "аланских" оружейников, обслуживавших Чингизидов. С другой стороны, имеющиеся материалы дают основания и для утверждений о существенных заимствованиях типов и видов вооружения, имевших место в Золотой Орде.

Предметы конского снаряжения малочисленны и представлены лишь креплениями узды (в горах) и находками стремян и удила на плоскости. Все их разновидности достаточно хорошо известны на территории Золотой Орды. Однако, частота встречаемости предметов конского снаряжения в горах не дает оснований соглашаться с использованием терминов "конница" и "кавалерия" (Д.Ю.Чахкиев) применительно к военным подразделениям горцев XIII-XV вв.

В предпоследнем, 5-м параграфе главы рассматриваются орудия труда и ремесленный инструментарий XIII-XV веков. Эта категория предметов многообразна по своему видовому составу, но малочисленна по количеству предметов в каждом виде. Наиболее массовыми находками являются ножницы для стрижки овец, являющиеся "обязательным" атрибутом каждого захоронения "взрослых женщин" в горах. Достаточно многочисленны бронзовые наперстки, имеющие аналогии не только в "византийских" слоях западноевропейских памятников раннего средневековья (В.А.Кузнецов), но и в Золотой Орде (В.Л.Егоров, Г. А. Федоров-Давыдов и др.). Эти предметы демонстрируют (наряду с шильями, иглами и проколками) преобладание домашних промыслов внутри горского общества, где основным занятием женской части населения (помимо ухода за скотом) было и портняжничество.

В качестве "мужских" занятий (кроме военного "ремесла") отмечается деревообработка, что опирается на находки соответствующего инструментария, но, вероятно, не выходящего за рамки кустарного промысла. Выделены находки, связанные с камнеобработкой. Отмечены и железные предметы, связываемые в работе с инструментами "керамистов". Навершие железных молоточков, находящих аналогии в "домонгольской" Булгарии могут восприниматься как показатель существования в горской среде и такого занятия, как ювелирное дело. Соотношение находок с общей численностью погребенных на могильниках людей (более 1 тыс. человек) создает впечатление о слабой развитости ремесленной базы в горах хотя существенно и расширившейся уже в XIII веке за счет мигрантов-ремесленников, оказавшихся в среде горцев.

Здесь же рассматриваются украшения, предметы туалета и детали одежды, также в преобладающем количестве происходящие с территории горной зоны.

Украшения - серьги и подвески разнотипны. Особняком стоят украшения в виде "знака вопроса". Обосновывая возможность разграничения находок на собственно "серьги" и "подвески", автор солидаризируется с Р.А.Даутовой, отвергающей их "кобанские" истоки, предложенные Е.И.Крупновым, а затем

С.Ц.Умаровым и М.Б.Мужухосвым. Но и попытки "вывода" этих украшений с территории соседнего Дагестана (Р.А.Даутова) не соответствуют действительности. Появление этих украшений на территории Притеречья связано только с Золотой Орды, что делает маловероятной и попытку В.А.Кузнецова трактовать их как северокавказский, "аланский" признак при вычлениении соответствующих погребений на могильнике Недьсалаш в Венгрии.

На Северном Кавказе украшения в виде "знака вопроса" существенно видоизменяются за счет разнотипности нижней их части, где преобладающей становится "виноградная гроздь". Последняя явилась эволюционным завершением типа серег, имевших на конце три жемчужины. В регионе, скорее всего на плоскости, жемчужные бусинки превратились в бронзовые и серебряные "грозди", составившиеся из трех и более шариков, спаянных между собой.

Иные типы украшений, как правило, находят аналогии в позднесредневековых древностях Восточной Европы и на золотоордынских поселениях Поволжья. Именно эти обстоятельства не позволяют соглашаться с мнениями тех кавказоведов, которые весь комплекс имеющихся украшений трактуют как сугубо горский.

В Золотой Орде находят аналогии бронзовые, серебряные и стеклянные перстни из горной зоны. "Восточное" их происхождение документируют и находки перстней с арабоязычной надписью "Мухаммед" или арабоязычным эпиграфическим орнаментом.

Достаточно представительна коллекция бронзовых и серебряных зеркал (горы и плоскость). За исключением экземпляров (с крестовидно-арочным орнаментом), имеющих аналогии как в аланских памятниках "домонгольского" времени, так и в Золотой Орде, другие типы зеркал воспроизводят основные их разновидности, встречающиеся исключительно в позднесредневековых древностях Восточной Европы и в золотоордынских городах (оба Сарая, Увек, Болгар, территория Прикамья). Часть зеркал с изображением животных, "бегущих по кругу". Подобные металлические диски у монголов этнографами сопоставляются с обереговыми предметами: "банд жорло" (Н.Л.Жуковская).

Заключают параграф разнообразные детали одежды (верхняя часть кожаных сапог, поливные кашинные и косяные пуговицы и пр.). И они находят параллели среди золотоордынских древностей, свидетельствуя об использовании горцами отдельных видов одежды или ее деталей в своем быту.

Заключительный, 6-й параграф главы посвящен анализу "прочих" находок, имеющих индивидуальный характер. Это стеклянный сосуд из Махчески, сопоставляемый М.Т.Крамаровским с продукцией каффских итальянцев XV века. Фрагменты от нескольких стеклянных сосудов (Верхний Джулат и Старогладовская) имеют сюжетные изображения всадников, играющих в "конное поло", вероятно, сирийского происхождения. Замок в виде фигурки лошади из Майртупа (Д.Ю.Чахкиев, Х.М.Мамаев) имеет близкие аналоги на мусульманском Востоке (Г.А.Федоров-Давыдов) и в Волжской Булгарии (Е.П.Казаков, М.Д.Полубояринова), а также и в Золотой Орде (Г.А.Федоров-Давыдов). Приводятся и бронзовые ложечки, предназначен-

шися для подношения "причастия".

В целом весь комплекс предметов, являющихся составной частью материальной культуры населения горной зоны края, создает впечатление о преобладающе заимствованном их характере. Культуровоздействующий (если не культуроформирующий) характер и значение Золотой Орды в этих процессах "пересекаются" в горах с аналогичными явлениями со стороны Грузии. Очевидность этого, тем не менее, диктует необходимость уточнений контекста подобных (равно как и иных) заимствований, что пока плохо исследовано в кавказоведении.

Четвертая глава, учитывающая рассмотренные выше материалы, в основном носит общенсторический характер. Она состоит из 3-х параграфов. В 1-м из них предпринимается попытка осмысления имеющихся данных с целью определения места Притеречья в административной политике и политических ситуациях Золотой Орды до конца XIII века.

После событий 1238-1239 годов активность Джучидов была сосредоточена на участке, прилегающем к Дербенту, что было обусловлено началом оформления пограничной линии на юге новообразованного государства. Создание государства Хулагуидов привело к началу военно-территориальных споров из-за Закавказья, что и определило появление близ Дербента различных кочевых групп, а затем и 30-тысячного корпуса Ногай, осуществлявшего здесь караульные функции, а впоследствии и военные мероприятия против Ильханов. Однако в начале 1260-х годов ситуация осложняется. Вторжение Хулагуидов, предпринятое в ответ на военный рейд Ногай, привело к участию на стороне Ильханов части аланов (и, вероятно, горцев) Придарьялья. В результате часть аланов вынуждена была переселиться в Грузию, получив от самого Хулагу-хана "вознаграждение за службу". Переселившаяся группа возглавлялась "Царствующей особой по имени Лимаджав", увешей с собой и малолетних "царевичей": Бакатара и Пареджана. Переселенцам были определены места расселения в Грузии. Указанная миграция - лишь одна из "волн" переселения из Предкавказья. Рассмотрение Константинопольским Собором в 1276 году вопроса о "дезурбанизации и депопуляции" в северокавказской Алании (С.Н.Малахов), шедших в сторону "Скифии и Сарматии" (согласно этим анахронизмам в византийской традиции - в сторону Крыма и Приазовья) - свидетельство о продолжении подобных процессов, наиболее ощутимо обозначившихся накануне известных событий, разыгравшихся вокруг Деякова (1277-1278 годы). Карательная акция Менгу-Тимура, опиравшегося на силы русских дружин, вряд ли оказалась лишь акцией, направленной на подавление "восстания в Деякове", вспыхнувшего там, как реакция на проведенную в XIII веке перепись населения (В.А.Кузнецов). Скорее всего, на 1277-1278 годы в Предкавказье было запланировано антиордынское выступление, предусматривавшее одновременное (со стороны Дарьяля и Дербента) вторжение. В связи с чем Рашид-ад-Дин сообщает (1278 г.) о походе "сахиб-дивана" Ильханов - "Шамс-ад дина Джувейни" в пределы Дербента. Тогда последнему удалось установить свой контроль "над Дербентом, Лекзистаном и горой Эльбурса". Хулагуидский сахиб-диван действовал при этом "добрыми мероприятиями", что и позволи-

ло ему привести в повиновение все те "народы, которые ни в какие годы никому не подчинялись". Спланированность синхронного вторжения, вероятно, не удалась, поскольку Менгу-Тимур нанес упреждающий (?) удар, осалив, а затем и взяв Деяков. Менгу-Тимур действовал зимой, т.е. тогда, когда Дарьяль был закрыт снегами и возможности отхода в Закавказье (либо надежды на получение помощи оттуда) у его противников не было.

Но эти события не привели к окончательному установлению контроля над Придарьяльем со стороны Золотой Орды, оставившую там лишь "стражу татарскую". Последняя, по данным армянских источников, просуществовала вплоть до 1295 года, когда грузинский царь, опираясь на закавказские и северокавказские отряды, смог "изгнать" ее оттуда.

Подобное развитие ситуаций во многом объяснимо с позиций другой группы письменных источников.

Известно : первоначально в Притеречье существовал какой-то "замок аланов" (Г.Рубрук), отданный самому Менгу-каану в качестве личного домена (В.Л.Егоров). Несмотря на различные точки зрения, искомый "замок" следует идентифицировать с остатками Алхан-Калинского городища, сопоставляемого с ранней столицей Алании городом Магасом (В.Б.Виноградов и др.). Расположенность Алхан-Калы (Магаса) как раз посередине между Дербентом и Дарьялем делает понятной и причину нахождения именно здесь "замка аланов", после событий 1238-39 годов по-прежнему ассоциировавшегося если не с бывшим столичным центром, то с местом нахождения традиционных институтов власти, превратившегося в центр домена Менгу-каана, олицетворявшего контроль за Предкавказьем. Но положение Джучидов было достаточно сложным: Дербент и, судя по всему, Дарьяль находились под контролем Ильханов или вассальной от них Грузии; золотоордынские владения оказались отрезанными от выхода в Закавказье, а их южные рубежи стали своего рода "тупиком". Грузинский "Хронограф" описывает попытки Джучидов при помощи подарков и "подношений" грузинскому царю (Г.В.Цулая) овладеть и "дорогой Запада", локализуемой нами вдоль восточного Причерноморья и через Абхазию. И эта "дорога" контролировалась антиордынскими силами. Ситуация вынуждает Золотую Орду активизировать свои действия в дербентском направлении, а затем и в Придарьялье. Возможно, что с Северного Кавказа начала осуществляться и военная акция, возглавляемая Ногаем, направленная против далекой Византии. Помимо византийско-хулагуидского союза против Золотой Орды и золотоордыно-египетских отношений (В.Л.Егоров) сближение Византии и Ильханов во многом способствовало усилению антиордынских настроений в среде населявших Золотую Орду христианских обитателей Северного Кавказа. Военный поход Ногай скорее всего имел и задачу ликвидации сложной системы византийско-ильхано-грузино-северокавказского сближения, ориентированного аланов и горцев региона против Золотой Орды, но в союзе с Ильханами.

События 1295 года, когда "стража татарская" была изгнана из Придарьяля, в том же, 1295 или в последующем, 1296 году, должны были повлечь за собой и ответную реакцию со стороны Джучидов, не только вернувших себе Придарьялье, но и окончательно установивших здесь свой диктат и кон-

троль. Заманчиво в связи с этим фактом приурочить к данному успеху Джучидов и выпуск монеты в "Джюлладе", описанной Х.М.Френом.

В контексте приведенных событий становятся понятными и причины появления в регионе различных этнических групп кочевников, начавших активное хозяйственное освоение Притеречья, обеспечивших появление и первых поселений XIII в. Применительно к горам, обстановка делает понятными и причины массовых "аланских" заимствований, широко начавших распространяться там в связи с притоком в горы части плоскостного населения, и в результате участия горцев и аланов на стороне грузино-хулагуидского альянса, направленного против Золотой Орды.

2-й параграф главы посвящен вопросам исторической географии Притеречья в XIV-XV вв.

Опираясь на сводку бытовых памятников Золотой Орды, делается попытка скалькировать на нее сведения итальянских карт XIV-XV веков. В итоге предлагается следующая идентификация "городов" этих карт: "г. Фабинати" отождествляется с упоминающимися "Книгой Большому Чертежу" развалинами "мечети Аисы-Ахмета", локализуемой в работе на правом берегу р. Кумы (напротив места слияния Сунжи и Терека). "Город Кубине" сопоставляется с "Кара-Базаром" ("Черным Рышком"), следы которого следует искать в районе современного г. Кочубея (Дагестан). "Тарки" карт вряд ли могут быть сопоставимы с Таркинским городищем близ совр. г.Махачкалы в Дагестане: данный "город" соотносится в работе с золотоордынским поселением в дельте Терека, подстилающим русские Терки 1588 года. "Город Башцитай" карт соотносим со Старогладовским поселением на левом берегу Терека. Группа поселений XIII-XIV веков в Тереко-Сулакском междуречье соответствует городам "Циние", "Кобасо" и "Барх" итальянских карт. Но и при такой локализации интересных объектов, между современными Тарками (близ Махачкалы), которым соответствует "г. Барса" карт) и Дербентом должны находиться "г. Абсиках" и "г. Сасах", помеченные на картах, но которым здесь пока неизвестны соответствующие археологические памятники.

На роль "г. Акле" с равным успехом могут претендовать как Верхне-, так и Нижне-Джудатское городища.

Подобная "густота" бытовых памятников на Тереке и определенный интерес к ним, проявленный со стороны итальянских предпринимателей XIV-XV веков, скорее всего объяснимы с точки зрения интенсивности итальянской торгово-предпринимательской активности. Последняя эпизодически подтверждается письменными данными по "линии": Тапа-Маджары (С.П.Карпов) и Каффа-Маджары (Е.Г.Еманов). Вероятно интерес итальянцев к Притеречью отражал и определенное значение данного участка сухопутного пути, связывавшего Закавказье и южные регионы Золотой Орды с торговыми путями, ведущими через Дербент на Терек (с ответвлением на Сунжу) и Куму с последующей протяженностью как в направлении к Волге, так и в сторону причерноморских и приазовских торговых факторий. Подобный интерес объясняет и причины распространения по Тереку (и вблизи от него) европейских монет, тарной керамики и прочих предметов "дальнего" импорта. Хотя по этим путям на Северный Кавказ шли предметы и из близких золото-

ордынских центров.

3-й, заключительный параграф этой главы озаглавлен "Об инновациях и инновационных процессах на Верхнем и Среднем Притеречье в XIII-XV веках". В нем делается попытка демонстрации последствий инновационного характера как на плоскости, так и в горах. Прежде всего это изменение демографической ситуации, вызванной миграциями аланов и других "домонольских" обитателей региона. Это и увеличение доли кочевого компонента населения: "монголов", племен из центральной Азии, Сибири и Алтая, половцев, "черных клобуков", кочевников из Заволжья и Приуралья. Потомки их так или иначе повлияли на этнокарту региона. "Монголы", вероятно, растворились в среде иных потомков кочевого населения. Половцы и другие кочевые обитатели оставили опутимый след в истории региона, участвуя в этногенезе современных балкарцев и карачаевцев. Нередко кавказоведы в своих оценках "наследия" кочевников средневековья отмечают лишь процесс "тюркизации" северокавказских обитателей, либо ведут речь лишь о седентаризации половцев (В.М.Батчасв). На этом фоне в работе делается попытка выделить и процесс "монголизации", обеспечивший распространение монголоидной примеси у части северокавказского населения. Подобные явления стали возможными лишь в XIV веке, когда "монголы" перестают выступать в качестве "замкнутых" этнических групп населения (Л.Т.Яблонский), вступаая в межэтнические контакты, в том числе и с плоскостными обитателями региона. Потомки таких групп населения в большей мере заимствовали и широко употреблявшие в обиходе лексические влияния, тюркскую и монгольскую ономастику, 12-летний тюрко-монгольский календарь и пр. Последствиями в ходе выселения горцев на плоскость потомки смешанных групп населения, влившихся в среду переселенцев, во многом способствовали распространению этих и подобных заимствований в среде своих сородичей.

Инновационные процессы были обеспечены и самим фактом включения плоскости и ее населения в состав золотоордынских владений, что и определило изменение внешнего облика северокавказских городов и поселений, сочетавших в себе элементы типично восточного города с мусульманской архитектурой и характерным для Золотой Орды домостроительством, общественными зданиями и пр. Сосуществовали они и с архитектурой и домостроительством, характерными для облика "домонольских" городищ и поселений Северного Кавказа.

Подобные изменения существенно воздействовали и на быт, одежду, материальную культуру населения северокавказских владений Золотой Орды, а также и на языковую ситуацию.

Существенные изменения претерпела и этнокарта, постепенно складывавшаяся к XIV веку и в последующее время. Частично отраженная археологически, она дополняется письменными данными. В городах на Тереке этническое представительство было значительно пестрее, чем это показано в специальных изданиях кавказоведов. Русская летопись (применительно к ставке Узбек-хана на Сунже, где был убит М.Я.Тверской) сообщала: там были "мнози язык" ("аки песок"), в т. ч., "и немец и литва". Помимо тверского князя и его окружения летопись сообщает и о присутствии здесь его против-

ников из Московской земли. Археологически засвидетельствовано на Тереке присутствие выходцев из Средней Азии и Азербайджана, Волжской Булгарии и Дальнего Востока, а также и из различных русских земель.

На базе кочевого населения Золотой Орды, включившего в себя и потомков северокавказских "борганов", на Северном Кавказе в постзолотоордынское время фиксируются различные компактные "орды", в конечном счете влившиеся в кочевые подразделения предков современных ногайцев, кумыков и "брагушцев". А на базе потомков славянского населения, в горах и предгорьях Притеречья начинают формироваться основы будущего терского и гребенского казачества. В среду последних, в XV столетии вливается "волна" переселенцев из Червленного Яра (И.Попко, А.А.Шенников). Тем самым, Золотая Орда во многом предопределила возникновение на Терекке предков сразу нескольких этнических единиц, постепенно оказавшихся в числе "паспортных" обитателей региона.

Инновации и инновационные процессы коснулись и горной зоны Притеречья. Фиксируемые здесь миграции с плоскости в горах существенно расширяют ремесленную базу. С другой стороны, удаление горцев вглубь горных ущелий определило и процессы консолидирующего характера. В горах более активными темпами продолжается процесс дальнейшей феодализации горских обществ. Прослеживается это по появлению "семейных" участков на могильниках и распространению склепов с малым количеством погребенных внутри. Это документируется и различным имущественным и социальным статусом погребальных комплексов. На общем фоне преобладающего занятия овцеводством (скотоводством) и широкой базе кустарных (домашних) промыслов, пути изменения статуса внутри общества видятся в прямой зависимости от характера и динамики взаимоотношений горцев с Золотой Ордой и соседней Грузией. На золотоордынской плоскости (Г.Рубрук) горцами "добывался" скот и подобным же образом "приобретались" отдельные предметы и категории инвентаря, открывавшие возможность изменения если не социального статуса, то имущественного положения. Иллюстрирует это находка золотого комплекса из Гашун-Уста, до попадания в горы явно находившаяся в распоряжении кого-то из знатных Чингизидов (М.Г.Крамаровский).

В числе иных возможных путей, "подталкивающих" процесс расслоения в горском обществе, следует обозначать и соседство с Дарьяльским военно-стратегическим и торговым горным проходом, где всегда (и после XV века) имелись возможности для "добычи" и занятия "наездничеством" (термин в XVIII-XIX веке активно используется представителями горской "национальной" интеллигенции). Аналогичные возможности открывало и участие в военных акциях как на стороне грузино-хулагуидского военного альянса, так и на территории самой Грузии.

Видоизменение положения части горцев внутри своего общества, нередко порождалось самим процессом феодализации; повышение статуса горцев и их отдельных семей вызывало потребность в окружении своего быта, а также и "загробной жизни" специальными, внешне выразительными способами. Это порождало потребность в различного рода "профессиональных" занятиях (камнеобработка, строительство "familial" и родовых

склепов и пр.). Достижение определенных социальных "высот" стимулировало и окружение соответствующим бытом, предметами материальной культуры, одеждой и пр. по "образу и подобию" социальной знати как на золотоордынской плоскости, так и в соседней Грузии.

Однако рассматривавшиеся нами обилие и разнообразие вещевых заимствований в горах вряд ли может быть объяснимо только "трофейным" характером этих и подобных инноваций. Уже в XIV веке создаются "буферные" зоны между золотоордынскими владениями и горами. Они фиксируются не только в приграничье с юго-восточной Чечней, но, вероятно, были и в прилегающей к Дарьялу зоне. Их появление способствует и началу активных, товарообменных, а в ряде случаев и торгово-денежных отношений, втягивавших не только отдельные группы горского населения, но и целые их фамилии. Обмен и торговля обусловили основной приток в горы всех известных ныне вещевых заимствований, часть которых "отложились" в виде погребального инвентаря. Однако наличие обмена должно предусматривать и возможность "потока" эквивалентов, которые горы могли "предложить" торговцам плоскости. Ко второй половине XIV века и в последующее время, особенно с началом "великой замятни" в Золотой Орде, вынудившей основную массу кочевого населения Притеречья активно участвовать во внутривосточных кризисах золотоордынского государства (в "мирные" периоды поставлявших в города сырье: шерсть, и кожи), способствовало появлению "вакансии", занятой горцами. На фоне не уменьшавшегося спроса на сырье горские "поставки" могли восполнить его. Во всяком случае, именно такая постановка вопроса во многом способна объяснить существование у горцев не только массовых ремесленных изделий Золотой Орды, но и цикл исторических преданий о подобных взаимоотношениях с Золотой Ордой. А также и то, что именно в золотоордынскую эпоху у горцев появляются отдельные фамилии (и после Золотой Орды), "специализирующиеся" исключительно на торговле.

Подобное отношение во многом меняет подходы к проблеме в целом, а также и картину взаимоотношений населения гор с золотоордынской плоскостью, впрочем, как и представления об аналогичных связях и с соседней Грузией.

В *Заключении* подводятся некоторые итоги работы, дается хронология динамики золотоордынского "освоения" региона, во многом объясняющая и специфику взаимоотношений с горной зоной края. Оценивается характер инновационных заимствований, а также последствия золотоордынского господства на плоскости, приведшего и к началу формирования основы будущей этнокарты региона, обуславливая тем самым давность появления на Терекке тех или иных этнических единиц. Последние, после распада Золотой Орды и начала расселения в регионе кабардинцев, ногайцев и других обитателей, на длительное время станут "основными" и "старожильческими" группами населения.

**ОСНОВНЫЕ РАБОТЫ,
ОПУБЛИКОВАННЫЕ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ**

1. Детское погребение золотоордынского времени из горной Ингушетии // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. -Краснодар: КубГУ, 1984. С. 63-70 (в соавт. с Д.Ю. Чахкиевым);
2. О находках золотоордынской поливной керамики в Предкавказье // Материалы 1-го Симпозиума по проблеме "Поливная полихромная керамика Закавказья - истоки и пути распространения". Аннотации. -Тбилиси: Мецниереба, 1985. С. 33-35 (в соавт. с В.Б.Виноградовым);
3. К изучению динамики золотоордынского присутствия на Центральном Кавказе (некоторые назревшие вопросы)// Археология и вопросы хозяйственно-экономической истории Северного Кавказа. -Грозный: ЧИГУ, 1987. С. 54-65;
4. Л.П.Семенов и изучение ранней истории ногайцев// Научное наследие Л.П.Семенова и проблема комплексного изучения литературы и культуры Северного Кавказа. -Орджоникидзе: СОГУ, 1988. С. 125-133;
5. Монетные чеканы закавказских городов в северокавказских древностях XIII-XIV вв. // Научная конференция "Средневековые города и городская жизнь Кавказа (В свете археологических данных)". Тезисы. -Тбилиси: Мецниереба, 1989. С. 44-46 (в соавт. с В.Б.Виноградовым);
6. К этно-социальной атрибуции городского населения Терско-Кумского междуречья (По материалам мусульманских захоронений Золотой Орды)// Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. -Орджоникидзе: СОГУ, 1989. С. 159-172.
7. О роли христианства в Хулагуидо-Джучидских взаимоотношениях в Предкавказской зоне // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII-XVI вв. -Ростов-на-Дону: РГУ, 1989. С. 108-116;
8. Новые данные о материальной культуре горной Ингушетии (по раскопкам Шуанского могильника)// Традиционная материальная культура Чечено-Ингушетии. -Грозный: ЧИНИИИСФ, 1989. С. 15-71 (в соавт. с Р.А. Даутовой, Х.М.Мамаевым и Д.Ю. Чахкиевым);
9. Погребение знатного горского воина из сел. Верхний Алкун нач. XV века // Восточное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. -Новосибирск, 1990. С. 129-140 (в соавт. с Д.Ю. Чахкиевым);
10. Полуподземные склепы Келийского могильника // Археологические открытия на новостройках Чечено-Ингушетии. -Грозный: ЧИНИИИСФ, 1990. С. 49-79 (в соавт. с Р.А. Даутовой, Х.М.Мамаевым и Д.Ю. Чахкиевым);
11. Об этнокарте плоскостных районов Среднего Притеречья в XIII-XV вв.// Актуальные проблемы истории дореволюционной Чечено-Ингушетии. Тез докл. регион. конф. -Грозный: ЧИГУ, 1990. С. 15-17;
12. Новые археологические материалы золотоордынского времени из горной Ингушетии // Актуальные проблемы археологии и этнографии народов Чечено-Ингушетии. -Грозный: ЧИНИИИСФ, 1990. С. 23-35 (в соавт. с Д.Ю. Чахкиевым);

13. О древнерусских предметах на Северном Кавказе // Россия и Северный Кавказ. -Грозный: ЧИГУ, 1990. С. 5-17 (в соавт. с В.Б.Виноградовым и С.А. Головановой);
14. К изучению бытовых памятников среднего течения р.Сунжа // Тез. Докл. 3-й Зональной Северокавказской олимпиады по археологии и краеведению. -Грозный: ЧИГУ, 1991. С. 47-49;
15. Дискуссионные проблемы ранней истории ногайцев // Основные аспекты историко-географического развития Ногайской Орды. Всесоюзная науч. конф. Тез. Докл. -Москва-Терекли-Мектеб, 1991. С. 15-19 (в соавт. с В.Б.Виноградовым);
16. Два погребения с древнерусскими предметами христианской пластики на Келийском могильнике // Археология на новостройках Северного Кавказа. -Грозный: ЧИГУ, 1991. С. 40-45;
17. А.П.Рунич и его вклад в изучение золотоордынских древностей Пятигорья // Археология и краеведение Кавминвод. Материалы 1-й регион. конф. -Кисловодск: ККМ, 1992. С. 47-51;
18. Погребения Келийского могильника // Археологические и этнографические исследования Северного Кавказа. -Краснодар: КубГУ, 1994. С. 68-94 (в соавт. с В.Б.Виноградовым);
19. К историко-культурной атрибуции двух предметов XIV века из горной Ингушетии // ХУШ "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа. Тез докл. регион. конф. -Кисловодск, 1994. С. 62;
20. Материальные свидетельства евроазиатских контактов XIII-XV веков в восточном Придарьялье // Международное сотрудничество археологов на важных торговых и культурных путях древности и средневековья. -Кисловодск: ККМ, 1994. С. 8-10 (в соавт. с В.Б.Виноградовым);
21. Несколько деревянных изделий XIII-XIV веков с территории Северо-Восточного Кавказа // Вопросы северокавказской истории. Вып. 1. -Армавир: АГПИ, 1995. С. 13-22;
22. Еще раз о предметах мелкой христианской пластики с Северного Кавказа// Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX "Крупновские чтения"). Тез. Докл. Регион. конф. -М.: ИА РАН, 1996. С. 119-121;
23. О маршруте движения Чингизидов в 1222 году // Археология и краеведение Кубани. Материалы 1У-й аспиранско-студенческой конф. -Армавир-Краснодар: АГПИ-КубГУ, 1996. С. 18-19;
24. "Пещеры" Бамутского и Келийского могильников // Из опыта кавазоведческих исследований (1986-1996 гг.). -Армавир-Грозный: АГПИ, 1996. С. 32-35;
25. Монеты грузинской царицы Русудан на Северном Кавказе в контексте событий пер. пол. XIII века // Историческое регионоведение - вузу и школе. Тез. докл. V-й Регион конф. -Славянск-на-Кубани, 1997. С. 23-25.